

Ю.В. Кобенко
*Национальный исследовательский
Томский политехнический университет*

Язык и коллективный интеллект

В статье критически осмысляется исследовательский опыт постструктурализма, проводится демаркационная линия между устройством системы языка и мышлением, развивается мысль о естественном происхождении языка и вторичности мышления по отношению к языку, приводятся доводы в пользу социальной обусловленности глотто- и лингвогенеза.

Ключевые слова: язык; мышление; категории; постструктурализм; коллективный интеллект; отбор; социум.

К настоящему времени постструктурализм, свирепо вытеснивший структурно-системное языкознание с поста науки о языке, благополучно преодолел его традиционные дисциплинарные и аппаратные границы, заданные собственно языком как центральным объектом изучения, и практикует беспрецедентную по масштабам омнифагию, связанную с бесконечным укрупнением данного объекта. Неудивительно, что теперь «языкознанием» считается всё то, что при Советском Союзе в лучшем случае сошло бы за досужие толки непосвящённых или недоученных, с тем разительным отличием, что теперь оные удостоиваются корочек кандидатов и докторов филологических наук, не владея даже минимумом знаний о системе языка по меркам советской школы. Диссертационные советы по филологии повсеместно превратились в бюрократические инкубаторы новомодных когнитивистов, дискурсологов, концептологов, лингвокультурологов, лингвоперсонологов, лингвоимиджеологов и прочих разновидностей постструктуралистов с компетенциями, разоряющими самые смелые фантазии. Наука стала крошечной частью аттестации, которая во времена СССР была крошечной частью науки. От вразумляющих доводов представителей старой школы о необходимости фиксировать явления системной, функциональной и социальной природы языка, как то: неологизмы, клише, заимствования и т.п., постструктуралисты отмахиваются в духе увлечённых пользователей гаджетов, отвлекаемых от данного занятия старомодными философами. Редкая диссертация выполняется в приверженности к классическому аппарату языкознания, в большинстве своём это тривиальное жонглирование конъюнктурными терминами вроде «ментальность», «прецедентность», «концептосфера», «картина мира» и т.п. при весьма посредственных результатах анализа. Примечательным является беспочвенное и повседневное нарушение первого закона логики – закона тождества, предполагающее постановку знаков

равенства между явлениями, порой взаимоисключающими друг друга, а зачастую и попросту подменяющими привычное название, ср.: язык = мышление, система = когнитивность, функция = дискурсивность и т.п.

Довольно распространённым заблуждением постструктуралистов различного ранга, проистекающим из такого рода отождествлений, выступает убеждённость в том, что система языка, как и мышление, состоит из категорий. Количество диссертаций, защищённых на такой основе, достигает десятки тысяч только в одной Российской Федерации. При этом данное положение никем и никогда не было доказано. Представляется, что поводом для такого отождествления как раз и является отказ от канонов структурно-системного языкознания, а также непонимание устройства языка. Настойчиво убеждая окружающих в том, что устройство языка не представляет ничего сложного для постижения, постструктуралисты тем не менее поголовно демонстрируют пробелы именно в части системно-функциональных различий, говоря о грамматическом и стилистическом уровнях языковой системы. Грамматика не является частью языкового конструкта (как инструкция по пользованию – частью механизма), а лишь сводом правил, а стилистика – это функция самой системы языка в речи.

Будучи знакомым с языком российских немцев в Томской области, приведу здесь его систему в качестве удобного и обозримого примера устройства языка. Как известно, любая система состоит из элементов, которые в ней определённым образом структурированы. Структура элементов в системе всех без исключения языков ономаσιологическая. Это значит, что элементы низшего порядка подчиняются по содержательному признаку элементам более высокого порядка, и так вплоть до самого главного слова, гиперонима, являющегося центром структуры и одновременно её именем: «Путешествие», «Здоровый образ жизни», «Учёба» и т.п. Таких структур – словарных множеств – в языке российских немцев Томской области около десяти: «Депортация», «Война», «Реформация», «Далёкая родина (Германия)» и др. Они обозначаются термином «лексико-семантические поля» и в самой системе также упорядочены ономаσιологически, т.е. есть главное поле (у малых языков это, как правило, «Этнос»), а есть периферийные поля («Домашнее хозяйство», «Охота»).

Мышление состоит из категорий, которые также имеют ономаσιологическую организацию, что, очевидно, и является причиной положительного переноса свойств языка на мышление в головах постструктуралистов. Категории – это понятия, достигшие максимума укрупнения. Аристотель выделял десять таких абстрактных понятий, состоящих из подсистем конкретных: материя (вещество), качество, количество и т.д.

[3, с. 89]. Главная ошибка постструктуралистов состоит в том, что понятия идентифицируются с языковыми знаками, хотя это совершенно неоднородные единицы. Языковой знак, безусловно, в большинстве случаев соответствует понятию (ср. слова «человек», «стол», «рассуждение»), и в этом видится заслуга исключительно коэволюции языка и мозга, однако по-прежнему существует великое множество понятий, которые крупнее или мельче лексических единиц. Первые называются расчленёнными (ср. два глагола «утонуть» в немецком языке: *ertrinken* – для человека, *versinken* – для корабля), вторые – парциальными и представлены зачастую полисемантами или омонимами (ср. «конь» – снаряд и «конь» – животное). Описание устройства языка через (когнитивные или ментальные) категории – привычное занятие несостоявшихся лексикологов, коллективно увязших в «концептах» и «лингвокультуремах». Получаемые ими совокупно «ментальное пространство» или «картина мира» (как дилетантский перевод гумбольдтского *Weltbild* – мировоззрение) вместо системы языка не просто не содержит научную новизну, но и напрямую вводит в заблуждение относительно природы самого языка. Категории существуют лишь в грамматике, т.е. в области действия логических правил, а в самой языковой системе категорий нет.

Подход к её анализу через категории мышления не только заведомо отягощён хомскианским наследием (поиском языка как коллективного явления в голове отдельного пользователя), но и является заведомо ложным вектором, поскольку в голове говорящего индивида содержится в лучшем случае индивидуальный «прожиточный минимум» языка, но не сам язык. К тому же он индицирует псевдонаучный ламаркизм, центральным постулатом которого выступает убеждённость постструктуралистов в первичности мышления и вторичности языка. Зоолог и ботаник Ж. Б. Ламарк был известен своими взглядами на окружающую природу, которую, по его мнению, приниживали духовные смыслы, постепенно обрастающие материей. Собственно, современные постструктуралисты ушли от Ламарка недалеко, убеждая окружающих в том, что в основе всего лежат «культурные смыслы».

Первичность языка по отношению к мышлению рассудочного образца является главным постулатом логики. Язык приходит в голову отдельного пользователя из окружающего пространства и оставляет в ней мышление, функционирующее и приводимое в действие через речь [2, с. 8]. Язык – больше и старше любого носителя, пользующегося им прижизненно, поэтому нельзя согласиться с расхожим умозаключением постструктуралистов, что «язык познаётся через мышление». Последнее является его производной, а его структура, категории и понятия, выражаются через язык. Кстати, выразительная функция древнее самого языка и

пришла в него их живой природы. Её изучает такая макродисциплина языкознания, как стилистика. Ламаркизм – это хорошо замаскированная под науку вера в первичность духовного (мышления), выступающая признаком отсутствия научного мировоззрения. Собственно, поэтому сам постструктурализм является наукообразной религией, апологеты которой лишь имитируют причастность к науке, но не используют её главный инструмент – обоснованное сомнение, иначе каждая защищённая по «когнитивности» или «дискурсивности» диссертация могла бы похвастаться собственным аппаратом.

Тщательно выводимые постструктуралистами «репрезентации» самых различных «категорий» и их «признаков» (а зачастую и «признаков признаков») по сути должны привести их авторов к одному единственному вопросу: где существуют данные категории и их запчасты? Если предполагается не голова самого прозелита постструктуралистской религии, то ответ должен быть очевиден: совокупно в головах всего языкового коллектива. При таком ответе незнание обнажило само себя и вот по какой причине.

Совокупное мышление, традиционно обозначаемое коллективным интеллектом и так яростно осаждаемое толпами постструктуралистов, не может изобрести само себя и уж тем более язык. Помимо этого, оно не было константным на протяжении всей истории нашего вида, хотя язык как средство внутри- и внепопуляционного взаимодействия появился гораздо раньше и обнаруживает различные формы помимо словесной (у ряда морских обитателей это звук, у муравьёв – ароматизаторы, у грибов – электромагнитные импульсы). В различные периоды времени его «наполнение» менялось, поэтому истинным источником его формирования можно считать социум. Ещё двести лет назад самые прогрессивные умы человечества не могли себе представить мир без рабства и расовой сегрегации [1, с. 122], сегодня же картина («мира») предельно изменилась. Так при чём же здесь мышление? И что пытаются узнать о языке постструктуралисты через социально заданные понятия? Язык выступает лишь средством их выражения, шиллеровским зеркалом, о чём было доподлинно известно ещё советским лингвистам без головокружительного крюка через отрицание опыта предшественников и погружение в хитросплетения «концептов» в «концептосфере».

Возникает следующий вопрос: кто изобрёл коллективный интеллект? На него даёт ответ теория эволюции, известная сегодня как эволюционизм, охватывающий значительное количество дисциплин естественного, общественного и гуманитарного циклов. Так же, как и у человека, и у жизни на земле, архитектора нет. Эти процессы регулируются так называемым отбором: в природе – естественным, в человеческой

среде обитания – искусственным. Причудливость результатов действия отбора поражает воображение, и язык, будучи одним из таких результатов, не требует творца. Он появляется там, где существует социум, и выступает средством внутрисоциального взаимодействия и «цементом» самой популяции. Термиты строят термитники, спорящие по красоте с готическими соборами, без архитектурных планов. Стаи рыб, уворачивающиеся от морских хищников, действуют слажено как один организм. Какие «категории мышления» ими управляют при этом? Какие «концепты» существуют в их «(языковом) сознании»? Возможно, покажется странным, что у языка нет создателя, как постулирует Д. Эверетт [4, с. 21], или разумного (мыслящего) начала, однако для такого начала язык мог сам бы выступить отправной точкой, что мы регулярно и наблюдаем в этом мире: ребёнок, приходящий в него, выучивает язык любой сложности через погружение в среду и подражание опыту говорящих. Рассудочное (не инстинктивно-гормональное) мышление прививается ему через воздействие языка, а не наоборот. Социальный контакт выступает здесь не просто зачинателем того самого рассудочного мышления на языковой основе, но и средством приращения нового индивида к популяции (обратное приводит к феномену «Маугли»). Таким образом, не мышление, а социум должен находиться в прицеле тех, кому недостаточно языка как системы в силу особенностей мировоззрения и уровня лингвистической квалификации.

Литература

1. Докинз, Р. Перерастая бога. Пособие для начинающих / Р. Докинз. – Москва : АСТ : CORPUS, 2022. – 256 с.
2. Савельев, С. В. Морфология сознания : В 2 т. Т. 2. / С. В. Савельев. – Москва : ВЕДИ, 2021. – 208 с.
3. Строгович, М. С. Логика / М. С. Строгович. – Москва : Госполитиздат, 1949. – 364 с.
4. Эверетт, Д. Как начинался язык: История величайшего изобретения / Д. Эверетт. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2019. – 424 с.